

Огонек

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 41 (289). 7 октября 1928 г.

ЧЕХОВ СОРОК ЛЕТ НАЗАД

Очерк Юрия Соболева.

В 1888 году Чехову было 28 лет. Он был жизнерадостен, бодр и работал легко и плодотворно. Этот восьмидесят восьмой год вообще один из замечательнейших в его жизни. Это год глубокого перелома писательского пути Чехова. Беззаботность Антоши Чехонте постепенно вытесняется вдумчивой серьезностью Антопа Чехова.

Антон Чехов дебютирует в „толстом журнале“: в „Северном Вестнике“ появляется „Степь“, имеющая совершенно исключительный успех в читательских кругах и встретившая вполне сочувственный прием критики. За „Степью“ — „Огни“ и „Именины“ — произведения, в которых поставлены большие вопросы — вопросы из области и человеческой этики, и человеческой психики.

Упорная работа держит Чехова в том хорошем напряжении, когда после часов проникновенного труда можно с такою радостью отдыхать, смеясь и шутя. В двухэтажном доме Корнеева — доме, похожем на комод, — на Кудринской площади, часто собираются гости. Слышится пение, звучит пианино, иногда затеваются танцы. Семья живет дружно, ее опора — Антон Павлович. Старик-отец давно уступил все права Антоше. Что скажет и что сделает Антоша — закон для всех домочадцев.

А. П. Чехов уже бывает в Петербурге и завязывает там прочные литературные связи и приятные знакомства. Он в переписке с А. С. Сувориным, у которого наездами в Петербург гостит неделями. Его постоянными корреспондентами становятся Я. П. Полонский, Н. Л. Леонтьев-Щеглов и Вл. А. Тихонов, ему пишет душевные послания старик Плещеев, дает дружеские советы Григорович, полемизирует „сам“ Михайловский.

Материальные дела улучшаются. Можно всей семьей поехать летом в Харьковскую губернию и жить на чудесном хуторе в имении Линтваревых — „Лука“, на реке Пселе. Лето проходит в постоянных поездках по Харьковщине, в знакомствах с соседями-помещиками, напоминающими гоголевских Шпонок, и в страстном увлечении рыбной ловлей. На хуторе у Чеховых гостят Плещеев и Баранцевич.

Конец лета отдал прекрасной поездке по Черному морю, Абхазии и Военно-Грузинской дороге. В Феодосии Чехов живет на даче у старика Суворина и затевает писать вместе с ним пьесу, которой уже дано название „Леший“, — тот „Леший“, который после неудачного своего трехкратного появления на сцене был затем переделан в „Дядю Ваню“.

Хотя драматургия и кажется моментами Чехову напуганной и наглой любовницей, в объятиях которой он попадает после наскучивших ласк законной жены — беллетристики, тем не менее и драматургии в этот счастливый и безоблачный год отдана значительная дань. Разрабатывал сценарий „Мешого“, Чехов принимается за редакционную правку „Иванова“, которого меняет до неузнаваемости. А по привычке к „легкомысленному“, по пугливой страсти своей выкинуть какое-нибудь „тру-ля-ля“, как шутливо замечает он об этих странных рецидивах „осколочной“ эпохи, — Антон Павлович в промежутке между двумя

крупными произведениями пишет, словно играючи, водевили. Обновив „Калхаса“, он написал „Трагика по повелю“ и вложил в сокровищницу своего богатого творчества таких два маленьких шедевра, как „Предложение“ и „Медведь“ — два водевиля, и по сей день живущих в репертуаре русского театра.

Замечательна, между прочим, история появления „Медведя“. В театре Ф. А. Корша часто давалась тонкорно переделанная с французского пьеска „Победителей не

И наконец, как увенчание всего года, приходит известие о присуждении Чехову пушкинской премии — в половинном размере.

Отвлекался порой на мелочи, по старой привычке посылая маленькие рассказы для „Петербургской Газеты“ и для „Нового Времени“, Чехов в то же время, помимо кропотливого писания неизвестных нам глав романа, успев к концу года сдать рассказ, посвященный памяти В. М. Гаршина — „Припадок“, рассказ, в котором с такой большой чуткостью дано почувствовать обилие „человеческого таланта“ — таланта, реагирующего на социальное зло жизни.

И есть еще одна область творческой работы Чехова, в этом году особенно его увлекавшая: публицистика. Он написал несколько статей на общественные темы для „Нового Времени“. Каждая из них — отклик на значительные социальные явления. Так, взяв тему о нищете, Чехов сумел раскрыть ее в очень широком плане. Он менее всего занят обличением профессионального попрошайничества и не берется за разрешение вопроса о социальных корнях профессионального нищества. Но, вместе с тем, он ясно чувствует, что „уличное нищество“ — это только маленькая частность большого общего. „Нужно бороться не с ним, а с производящею причиною. Когда общество во всех своих слоях, сверху донизу, научится уважать чужой труд и чужую копейку, — нищество уличное, домашнее и великое другое исчезнет само собою“.

В статье „Московские лицемеры“ Чехов с необычайной для него страстностью нападает на московских купцов — толстокусов, опротестовавших постановление городской думы о воскресном отдыхе для приказчиков. В защиту „мучеников прилавка“ и написана вся статья.

Но особенно важно для уяснения некоторых основ чеховского мирозерцания и подлинных чеховских убеждений напомнить о статье, посвященной памяти Н. В. Пржевальского, — знаменитого русского путешественника, завещавшего похоронить себя на берегу исследованного им озера Иссык-Куль. Для Чехова Пржевальский — один из тех людей актуального подвига, которые, „составляя сильный поэтический и жизнерадостный элемент общества, возбуждают, утешают и облагораживают“.

„Их личность“, — пишет Чехов, — это живые документы, указывающие обществу, где, кроме людей, ведущих спор об оптимизме или пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, что, кроме скептиков, мистиков, психопатов, пезкутов-философов, либералов и консерваторов, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанной цели“.

В этом — весь Чехов. Эта статья для него не случайна. В Письме к Е. М. Линтваревой он сказал, что таких людей, как Пржевальский, любит бесконечно.

Не „нытиков“ и не „пыжиков“, а именно людей подвига, веры и ясно сознанной цели.

Юр. Соболев.

Дом д-ра Корнеева на Кудринской площади в Москве. Здесь несколько лет жил А. П. Чехов.

судят“. В ней изображается некий моряк, влюбленный в некую даму. Дамы не прочь отдать руку и сердце моряку, если бы только не неискоренимая его привычка к тем крепким и соленым словечкам, которым нет места ни в будуаре, ни в приличной гостиной. Дамы заключают условие: если моряк в течение четверти часа не произнесет ни одного ругательства — ее рука и сердце будут ему отданы. Из этого тяжелого испытания моряк, как и следовало ожидать,

Кондрат Ековлев в роли Лебедева в „Иванове“. Постановка Александринского театра.

правда, с большим трудом, но все-таки выходит победителем.

Воспользовавшись некоторыми внешними черточками этого незамысловатого сюжета, Чехов написал свой водевиль „Медведь“ имел совершенно исключительный успех и шел у Корша чуть ли не каждый день.